

ЧТО ПРОИЗОШЛО И ПРОИСХОДИТ В СОВРЕМЕННОМ ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ?

В 1906 году профессор Гетеборгского университета Густав Седершельд опубликовал небольшую работу под названием «Шведский будущего» (Cederschiöld, 1906), посвященную тенденциям развития родного языка в наступившем столетии. Основной в работе Седершельда была идея дальнейшего сближения устной и письменной речи в XX в.; среди возможных изменений письменной нормы были названы следующие:

I. В морфологии существительного:

1) изменение конечного -а у существительного *en historia* 'история' на -е, по аналогии с опр. формой ед.ч. *historien* и формой мн.ч. *historier*; существительное *materija* уже тогда имело в неопр. форме ед.ч. два варианта: *en materia/materie*;

2) переход к склонению заимствованных из греческого и латыни существительных на -а (*prisma* 'призма', *drama* 'драма', *komma* 'запятая'), -он (*lexikon* 'словарь'), -ум (*faktum* 'факт', *spektrum* 'спектр'), -ус (*numerus* 'число') по шведской модели;

3) образование форм мн.ч. существительных ср. рода на согласный (*sekel* 'век', *porträtt* 'портрет') посредством показателя -ег, по аналогии с такими словами, как *ett tyg* 'ткань' (мн.ч. *tyger*), и с существительными ср. рода на гласный (*ett fängelse* 'тюрьма' – *fängelser*, *ett galleri* 'галерея' – *gallerier*); существительные ср. рода *magasin* 'склад, лавка', *ackord* 'договор', *medikament* 'медикамент', *logement* 'ложемент', *fragment* 'фрагмент' а также названия частей речи *substantiv* 'существительное', *adjektiv* 'прилагательное', *pronomen* 'местоимение', *verb* 'глагол', *adverb* 'наречие' имели вариативные формы с нулевым показателем и с окончанием -ег;

4) распространение показателя опр. формы мн.ч. существительных с основой на гласный -на/-ена на существительные ср. рода с основой на согласный (*barna* 'дети', *husena* 'дома');

5) распространение показателя -аг (в ущерб -ег) в формах мн.ч. заимствованных существительных общего рода, особенно в словах, имеющих конкретное значение и вошедших в обиход шведской речи (*en bil* 'автомобиль' – *bilar*);

6) переход *pluralia* и *singularia tantum* в разряд изменяемых по числу (en grönsak 'сорт овоща' от grönsaker 'овощи', medgångar от medgång 'успех, удача, счастье');

7) распространение показателя генитива -es у существительных с основой на -s: Larses bok 'книга Ларса' вместо Lars' bok; ср. также у В. Рюдберга hans huses folk 'его домашние' (Cederschiöld, 1906, 12).

II. В морфологии прилагательного:

1) вытеснение аналитического способа образования форм степеней сравнения у прилагательных на -isk, -esk (groteskast);

2) использование вариативных форм степеней сравнения – супплетивных, или с перегласовкой и показателями -re, -st, и «правильных», с показателями -are, -ast: bättre/godare 'лучше'; värre/ondare 'хуже'; värre/elakare 'злее'; sämre/dåligare 'хуже'; lägre/lågare 'ниже'; grövre/grovare 'грубее'; trängre/trångare 'теснее'.

III. В глагольном словоизменении:

1) сохранение сильного спряжения;

2) сохранение форм конъюнктива;

3) сохранение страдательного значения у форм на -s в письменной речи при их вытеснении в устной речи аналитическим сочетанием bli со страдательным причастием II;

4) образование особой «командной формы» (kommandoformen) с отпавшим конечным -а у глаголов первого спряжения и переход этих форм в разряд междометий: kast loss 'отдать концы', hiv upp 'поднять якорь', spel ut 'карты на стол' или 'конец игре';

5) отпадение дентального показателя в формах претерита слабых глаголов первого спряжения (kasta вм. kastade 'бросил');

6) образование форм претерита слабых глаголов первого спряжения по второму с оглушением звонкого дентального после l, n, r, g, v (talte 'говорил', svarte 'ответил', viste 'показал') и возникновение смешанного класса, при сохранении показателей первого спряжения у всех остальных форм. По мнению Седершельда, оба процесса были обусловлены наметившейся тенденцией перехода слабых глаголов второго спряжения в продуктивное первое, что, в свою очередь, привело к сокращению «самой длинной формы» претерита.

IV. В системе местоимений:

1) распространение устного варианта указательных местоимений den, det, de här 'этот' в письменной речи;

2) написание объектных форм личных и возвратного местоимений в соответствии с произношением *mej, dej, sej* во всех жанровых типах текстов;

3) распространение энклитических форм объектного падежа -*n* (м. род), -*na* (ж. род), -*et, -t* (ср. род);

4) повышение статуса местоимения 2-го лица *Ni* как формы обращения в ед.ч.;

5) вытеснение относительного местоимения *vilken* 'который' союзом *som* во всех регистрах письменной речи.

Насущными задачами нормализаторов Седершельд считал:

1) освобождение шведской речи от излишней загруженности иностранными словами; письменный язык начала XX в. Седершельд называл космополитичным (*det nuvarande «kosmopolitiska» svenska språket*);

2) сближение письменной и устной норм речи;

3) освобождение письменной речи от излишней тяжеловесности в словообразовании и синтаксисе сложного предложения, а также от искусственности и абстрактности.

По мнению Седершельда, нормализацию следовало проводить в письменной речи, используемой в прессе и школьных учебниках, а образцом и регулятором новой нормы должна была стать разговорная речь образованных слоев общества.

Как и на заре XX в., пути развития и судьбы родного языка привлекают внимание шведских языковедов на его исходе. Поздновошведский период (*ungre nysvenska*) ведет отсчет от выхода в свет в 1732 г. морально-дидактического журнала «Шведский Аргус», издававшегося выдающимся шведским просветителем У. Далином. В 1801 г. поэт и просветитель К.Г. Леопольд в трактате о шведском правописании восторженно отмечал: «В истории всех цивилизованных языков наступает такой момент, когда они достигают совершенства и приобретают форму, которая может улучшаться, но не стареть. Эту форму придал шведскому языку Далин, и, возможно, ни один язык никогда в одночасье усилиями одного автора не совершал такого скачка» (*Thelander, 1991, 23*).

Этот период распадается на два этапа, на протяжении которых способ существования и внутренняя структура шведского языка дважды претерпевали глубокие изменения.

Первый этап завершился к концу прошлого столетия; происходившие во второй половине XIX в. процессы нашли наиболее полное выражение в творчестве другого великого шведа – Августа Стриндберга, в

первом шведском реалистическом романе «Красная комната» (1879). Этой датой открывается новый период, а вместе с ним и новейшая история шведского языка, который отныне начинает именоваться историками языка «современный шведский язык» (nusvenska). В 1899 г., через двадцать лет после выхода в свет романа «Красная комната», выдающийся шведский языковед начала XX в. Адольф Нурен писал о роли А. Стриндберга в истории шведского языка: «Что бы ни случилось в будущем с его литературной славой, как художник слова он навсегда останется классиком и образцом для подражания, знаменуя важную веку в истории родного языка» (Thelander, 1991, 29).

Процессы, которые произошли в шведском языке во второй половине XIX в. и предвосхитили тенденции его развития в нынешнем столетии, включали пять основных моментов:

1) оживленная дискуссия о правописании в 60–70-е годы XIX в., итогом которой стала орфографическая реформа 1906 г.;

2) резкий скачок в упрощении синтаксической структуры предложения, который, судя по результатам проведенных исследований, в основном пришелся на период с 1878 по 1880 г. (см. об этом: Thelander, 1991, 28); здесь стоит напомнить о том, что роман А. Стриндберга «Красная комната» появился в промежутке между этими датами, в 1879 г.;

3) начало взаимного сближения устной и письменной норм речи, обусловленного реформой школьного образования и становлением прессы во второй половине XIX в.;

4) выравнивание диалектов, уходящее корнями в начало индустриализации конца XIX в., обусловившей первую волну миграции населения;¹

5) активное вторжение английской лексики, начавшееся в конце XIX в. с заимствования спортивной и морской терминологии.

Второй этап глубоких изменений в шведском языке приходится на вторую половину XX в. — с начала 40-х годов. Для него характерны три процесса:

1) дальнейшее сближение норм устной и письменной речи;

2) мощный поток английских заимствований;²

3) «драматическое» падение диалектов;³ к началу 60-х годов после второй волны урбанизации наступила «подлинная смерть диалектов» (Josephson 1997, 6).⁴

Названные здесь процессы, по существу, отражают две основные тенденции:

А. Обновление словарного состава.

Б. Повсеместное выравнивание различий:

- 1) между устной и письменной нормами;
- 2) между различными диалектами;
- 3) между региональными вариантами и литературным стандартом;
- 4) между профессиональным и литературным языком;
- 5) между книжным и обиходно-разговорным стилями речи;⁵
- 6) между обиходно-разговорной речью различных слоев общества.

Вместе с тем с начала 60-х годов происходит все большая стилистическая дифференциация письменных текстов, что на первый взгляд находится в некотором противоречии с отмеченной выше тенденцией повсеместного выравнивания. Следует, однако, помнить о том, что в современном шведском языке дифференциация носит свободный характер и проявляется в индивидуальном употреблении, в то время как прежде она была строго регламентированной.

Как отмечалось выше, процесс сближения устной и письменной норм был двунаправленным, поскольку обе они оказывали влияние друг на друга. Влияние устной речи на письменную проявилось прежде всего в падении категорий лица и числа в глагольном спряжении.⁶ К другим, более частным, но тем не менее важным изменениям письменной нормы под влиянием устной относятся:

- 1) замена производных глаголов с префиксами на сочетания с поствербгами (например, *ta emot* 'принять' вместо *mottaga*);
- 2) выпадение вставного *-e-* в презентных формах пассива на *-s* у глаголов второго и четвертого (сильного) спряжений (например, *skriv-s* вместо *skriv-e-s* 'пишется');
- 3) замена модальных и связочных слов, являвшихся текстовыми показателями письменной речи *icke* 'не', *blott* 'только', *ehuru* 'хотя', *intet* 'ничто', *likväl* 'однако' на свойственные устной речи *inte*, *bara*, *fast(än)*, *inget*, *ändå*;⁷
- 4) свободное употребление сочетаний *den*, *det*, *de här* в письменных текстах в функции указательных местоимений, наряду с принятыми в письменной норме *denna*, *detta*, *dessa*.

Влияние письменной речи на устную изначально было обусловлено общественными процессами, поскольку социально-классовые различия заметно проявлялись в речевом узусе. Становление устного стандарта способствовало тому, что язык высших слоев шведского общества, представлявший причудливое смешение книжно-письменных черт и разговорных особенностей центрально-шведских диалектов, подвергся вы-

равниванию, ориентированному на соответствие произношения и написания. Так, стали произноситься, как писались, опр. формы ед.ч. существительных ср. рода с основой на согласный (huset 'дом' вм. huse), опр. формы ед.ч. существительных общего рода с исходом основы на -r (affären 'магазин' вм. affärn), формы мн.ч. существительных общего рода на -a (flickor 'девочки' вм. flicker); формы претерита слабых глаголов первого спряжения (gorade 'позвал' вм. gora); предлоги (till 'к' вм. te, vid 'около' вм. ve); инфинитивная частица (att вм. ä); прилагательные с исходом основы на смычный (röd 'красный' вм. rö).⁸

Устная речь низших слоев общества в процессе становления общенационального произносительного стандарта опиралась на правописание; сложившийся в первой половине XX в. близкий к письменной норме стандарт, на котором говорили широкие слои населения, когда им приходилось выступать в общественных собраниях (что по мере демократизации шведского общества происходило все чаще), получил название boksvenskan 'книжный шведский': на нем осуществлялось обучение и просвещение, в частности, в народных университетах.

В целом процесс сближения устной и письменной речи приобрел характер своего рода «перетягивания каната». Так, футурологический прогноз Г. Седершельда предполагал, что принятая в разговорной речи определенная форма множественного числа существительных среднего рода с исходом основы на согласный (barna 'дети', husena 'дома') закрепится в письменной речи, чего на самом деле не произошло; напротив, как показало проведенное в конце 60-х годов исследование, письменная норма вытеснила устную (Thelander, 1991, 26). Показательна также судьба вспомогательного глагола ha в составе форм перфектного ряда, который прежде, согласно письменной норме, обязательно опускался в придаточной части сложноподчиненных предложений. Сближение устной и письменной речи обусловило возможность факультативного употребления супина в письменных текстах наряду с полными формами; параллельно наметилась тенденция к синтетизации супина в обиходно-разговорной речи (Holm, 1951, 87–93).⁹ Однако в дальнейшем происходило 'расподобление' письменной и устной норм; проведенное в 1985 г. исследование показало, что устная и письменная речь по-прежнему сохраняют различия: так, в современных газетных текстах ha опускается в 90% употреблений, а в устной речи, напротив, оно на 90% сохраняется в придаточной части СПП (Thelander, 1991, 27).

В период с 1965 по 1975 г. происходит сокращение длины предложения в газетных текстах; однако затем падающая кривая выравнивается.

С 1977 по 1992 г. уменьшается и частотность употребления разговорной формы *dom 'они'* в газетных текстах (Josephson, 1997, 7).

Вплоть до начала 60-х годов предпринимались попытки унифицировать произношение школьников в различных регионах Швеции; так, в Стокгольме детей учили произносить минимальные пары *meta – mäta, rösta – rusta*, а в Гетеборге – *bada – båda, kungen – köngen*; объяснением такой политики служило то, что детей легче обучать правописанию. Дело доходило до того, что эксперты в области фонетики в своих рекомендациях предлагали отучать школьников из южной Швеции произносить вульгарное *r* (Josephson, 1997, 9). Однако с начала 70-х годов наметилась противоположная тенденция: в программах новостей центрального радиовещания стали допускаться различные региональные особенности произношения дикторов, в то время как прежде литературный стандарт был ориентирован только на восточнореднешведское произношение.

С начала 70-х годов исследователи отмечают резкие изменения в стилистике шведской речи: на смену дистанцированности приходит 'интимизация', на смену сдержанности – открытость, допускающая употребление вульгаризмов и так называемых «круглых слов» (*runda ord*), принятых в обиходной речи для обсуждения сексуальных тем, на смену безличности – личностная ориентация. Как отмечает У. Юсефсон, оба варианта просьбы о чашке кофе – безлично-отстраненный и очень вежливый *Inte skulle det vara möjligt att få en kopp kaffe?* 'Нельзя ли получить чашку кофе?' и откровенно-фамильярный *Du ger mig en kopp kaffe* 'Ты дашь мне чашку кофе' с точки зрения современной стилистики можно считать одинаково вежливыми.

Возвращаясь к вопросу, сформулированному в названии статьи, и подводя итоги сказанному выше, посмотрим, какие прогнозы Г. Седершельда сбылись и что произошло и происходит в современном шведском языке помимо предположений ученого.

I. В морфологии существительного:

1) в современном шведском языке предпочтение действительно отдается склонению заимствованных из греческого и латыни слов по шведским образцам: *ett drama – dramer; ett komma – komman; ett/en prisma – prismor/prismor; ett lexikon – lexikon; ett faktum – faktum; ett numerus – numerus*;

2) наблюдается дальнейшая реализация тенденции перехода *pluralia tantum* в разряд изменяемых по числу, например, *en förälder* 'родитель', *en möbel* 'предмет мебели'.

II. В морфологии прилагательного:

1) вариативные формы степеней сравнения используются с различными значениями: bättre 'лучше' – godare 'вкуснее'; sämre 'хуже' – dåligare 'больнее' (о состоянии здоровья, ср. рус. *плохой*, т.е. 'болезненный, больной'); värre 'хуже' – ondare 'больнее' (об ощущении боли); lägre 'ниже' – lågare 'подлее' (ср. рус. *подлый, низкий*); см. об этом (Thorell, 1973, 66; Lindberg, 1980, 35); другие из названных Г. Седершельдом вариантов в литературном языке не встречаются.

Среди новых, не отмеченных явлений следует назвать:

1) тенденцию к образованию форм степеней сравнения с показателями -are/-ast, вместо аналитического способа, у отрицательных прилагательных и «квазипричастий» на -en и -d/-t, например: drucken 'пьяный' – drucknare; galen 'безумный' – galnare; storlagen 'грандиозный' – storslagnare; svullen 'распухший' – svullnare; uppbragt 'возмущенный' – uppbragtare; ср. также en bortskämdare unge 'более избалованный ребенок'; en förskräcktare man 'более ужасный мужчина'; en högljuddare församling 'более шумное собрание'; en vidsyntare person 'более дальновидный человек'; ett naknare vittnesbörd 'более откровенное показание' (Lindberg, 1980, 34–35); bestämd 'определенный' – bestämdare, utsåld 'распроданный' – utsåldare (Thorell, 1973, 66);

2) использование при образовании форм степеней сравнения у некоторых прилагательных наряду с синтетическим аналитического способа: Alexander är aktsammare/mera aktsam och redbarare/mera redbar men högfärdigare/mera högfärdig än Caesar (Lindberg, 1980, 33) 'Александр осторожнее и честнее, но тщеславнее, чем Цезарь'.

III. В глагольном словоизменении, как и предполагал Г. Седершельд, сохранилось сильное спряжение. Что касается форм конъюнктива, образованных от презентных основ, чаще называемых оптативом, то они используются в современном языке исключительно в составе клише: Kristus vare med dig (G. Sandgren) 'Христос с тобой'; Vile han i frid (S. Delblanc) 'Мир праху его'; при этом речевые формулы Gud give 'Дай Бог' и Gud nåde 'Помилуй Бог' фактически приобрели характер междометий, о чем свидетельствует возможность слитного написания Gudnåde er (Vi, 1993). У Телеман отмечает также, что в современном языке форма leve 'да здравствует', которая используется в устойчивом обороте, проявляет тенденцию к переходу в разряд междометий, поскольку в речи встречается конструкция с объектной формой личного местоимения leve henne 'слава ей', по аналогии с междометием ve dig/mig 'горе тебе/мне' (Teleman 1991, 98).¹⁰

Падение опатива затронуло даже те формализованные стили письменной речи, которые вплоть до середины XX в. выполняли роль его основной функциональной ниши: они перестали употребляться в текстах законов к концу 50-х годов и полностью отсутствуют в современном переводе Нового Завета (см. об этом Bensson, 1968; Hellberg, 1991).

Из форм конъюнктива, образованных от претеритальных основ множественного числа, устойчиво сохраняется только *vore* от глагола *vara* 'быть'. Единичные формы конъюнктива сильных глаголов встречаются в современном языке крайне редко; они могут использоваться для выражения повышенной экспрессии говорящего: *Om jag finge följa med hem!* (G. Björkman) 'Если бы мне можно было поехать домой!' (см. подробнее Чекалина, 1993, 248–266; 1997, 80–81).

Наблюдается также дальнейшая тенденция к переходу отдельных форм императива в междометия, например: *Tittut!* 'Ку-ку!' (при игре в прятки); *Passpå!* 'Не зевай!'; в том числе при эксплицитном выражении адресата побуждения: *Högg!* 'Послушай'.

Соотношение между формами на *-s* в страдательном значении и аналитической конструкцией с *bli* и причастием II является более сложным и не ограничивается предпочтительным употреблением первых в письменной, а вторых – в устной речи. Различия между ними имеют видовой характер: пассивом на *-s* акцентируется сам процесс, а аналитической конструкцией – его наступление и/или результат; ср.: *Artikeln säljs över hela världen* 'Товар продается (можно купить) во всем мире' и *Artikeln blir såld över hela världen* 'Товар распродается (имеет спрос) во всем мире' (Lindberg, 1980, 73); *Den här cykeln ska göras ren* 'Этот велосипед нужно почистить' (пожелание заказчика) и *Cykeln ska bli ordentligt rengjord* 'Велосипед будет тщательно вычищен' (обещание мастера по ремонту) (Thorell, 1973, 135).

IV. В системе местоимений получили подтверждение два предположения Г. Седершельда:

1) о распространении союза *som* наряду с *vilken* во всех регистрах письменной речи;

2) о повышении статуса местоимения *Ni* как формы обращения. Действительно, как отмечают шведские языковеды, после периода почти повсеместного распространения *du* в 60–70-е годы, с начала 80-х годов наблюдается возрождение *Ni* – сначала в сфере сервиса, а затем шире – при обращении младших к значительно более старшим по возрасту незнакомым людям (Josephson, 1997, 9).

Среди новых тенденций, не упомянутых Г. Седершельдом, следует также назвать:

1) унификацию предлога på, например: att gå / arbeta på skolan 'учиться/работать в школе' (ранее правильным было только сочетание с предлогом i); att gå på matsalen 'идти в столовую' (ранее только с предлогом till);

2) употребление временного союза innan 'прежде чем' в функции предлога, наряду с före 'до, прежде': Han gick före/innan kl.7 (Norrb, Lundqvist, 1997, 116) 'Он ушел до семи';

3) употребление субъектной формы местоимения 3-го лица м. рода han в объектной функции: Han träffade honom/han (там же, 117) 'Он встретил его'; показательно, что по происхождению это слово является формой аккузатива;

4) опущение частицы att в футуральной конструкции kommer + инфинитив в разговорной речи (там же, 117);

5) употребление неопр. формы мн.ч. существительного ср. рода ett stycke 'кусок' – stycken как формы ед.ч. общего рода en stycken в значении 'один экземпляр'.

Современные нормализаторы считают своей основной задачей сохранение целостности шведского языка как средства национального общения в условиях глобальной интернационализации общества, особенно усилившейся после вступления страны в ЕС в 1995 г. В связи с этим 30 апреля 1997 г. правительство Швеции приняло решение поручить Шведской языковой комиссии изучить вопрос о статусе шведского языка как средства коммуникации и выработать общую стратегию и программу конкретных действий для его защиты и упрочения в условиях активного вторжения английского языка. Языковеды считают, что разрушительное воздействие английского проявляется в вытеснении шведского из целого ряда важных функционально-коммуникативных ниш (Teleman, Westman, 1997, 6):

1) экономика и деловая жизнь;

2) наука и техника, включая не только медицину и естественные науки, но и гуманитарные;

3) политика и управление;

4) попкультура.

Строя оптимистические прогнозы на будущее, шведские специалисты предполагают, что при коммуникации шведы будут пользоваться как родным, так и английским языком, легко переходя с одного на другой, что в пограничной между устной и письменной речью зоне возник-

нут новые жанры, а региональные и социальные различия прочно утвердятся в речевом узусе.

Примечания

¹ В результате притока нового населения в промышленные центры в конце XIX – начале XX в. сложились новые ‘городские диалекты’: Ekensnacket в южной части Стокгольма и Källes göteborgska в западной части Гетеборга.

² В последнее время все чаще встречается употребление показателя -s в формах мн.ч. заимствованных из английского слов типа avokados ‘авокадо’, videos ‘видеоустановки’, вместо образованных по шведскому образцу avokador, videor, а также использование английской орфографии; показательно семантическое различие между словами tejr ‘скач’ со шведской орфографией и tape ‘магнитофонная лента’ с английской (Norrbj, Lundqvist, 1977, 118).

³ К началу 60-х годов в результате мощной волны иммиграции стали складываться так называемые новые диалекты, на которых говорят рожденные в Швеции дети иностранцев, например rinkebysvenska в Стокгольме и gårdsten в Гетеборге.

⁴ Последние исследования шведских социалингвистов показали, что такие факторы, как развитие СМИ и новых средств коммуникации, а также школьное образование сами по себе не представляют угрозы для диалектов, а лишь делают их носителей из отдаленных регионов страны двуязычными.

⁵ Как отмечает доцент отделения скандинавских языков Стокгольмского университета У. Юсефсон, «...можно почти одинаково говорить с кафедры проповедника и в раздалке» (Josephson, 1997, 8).

⁶ В 1940 г. формы ед.ч. стали регулярно употребляться при подлежащем во мн.ч. в передовицах одной из крупнейших утренних газет «Dagens Nyheter», с 1943 г. – в репортажах, с 1945 г. – в материалах телеграфного агентства TT; с начала 50-х годов они появились в протоколах риксдага, правительственных документах и в выпускных сочинениях гимназистов, с середины 60-х годов – в законах, в 1981 г. – в современном переводе Нового Завета. Таким образом, если прежде формы мн.ч. глаголов были в письменной речи стилистически нейтральными, а употребление форм ед.ч. при подлежащем во мн.ч. являлось приметой сниженного обиходно-разговорного стиля, то в современном языке маркированным является множественное число. Так, в предновогодней рекламе известной шведской мебельной фирмы ИКЕА отмечено его эмфатическое употребление даже при подлежащем в ед.ч.: Tomten äro här (Josephson, 1997, 5) ‘Дед Мороз здесь’; это напоминает некорректное с точки зрения исторической грамматики употребление русской формы *суть* при подлежащем в ед.ч. в целях эмфазы.

⁷ Сто лет назад отрицание *icke* было в письменной речи стилистически нейтральным, а *inte*, напротив, являлось маркированной приметой устной речи. Теперь нейтральным как в письменной, так и в устной речи является *inte*, а *icke* воспринимается как признак высокого стиля, архаизм или средство эмфазы.

⁸ В некоторых случаях верх одержала устная произносительная норма центрально-шведских регионов: 1a *vm. lade, mej vm. mig, gett vm. givit*.

⁹ Например: Jag har många gånger talat om för er att jag varit sjöman (S. Claesson) ‘Я много раз говорил вам, что был моряком’.

¹⁰ «Оплатив окончательно исчез из шведского языка как продуктивный грамматический элемент» (Teleman 1991, 97).

Литература

- Bensson S.* Quo vadis, institua? // Vetenskaps societetens i Lund årsbok. Lund, 1968.
- Cederschiöld G.* Framtidssvenska. Göteborg, 1906.
- Hellberg S.* Optativen är död: (Leve optativen!) // Studier i svensk språkhistoria № 2. Göteborg, 1991.
- Holm G.* Om utelämnandet av hjälp verbet *hava* i bisats // Nysvenska Studier, årg. 30, 1951. S. 87–93.
- Josephson O.* Vad skulle Agda Östlund ha gjort med e-posten? Svenska språket 1922–1977 // Dialogen. 1997. № 8. S. 3–17.
- Lindberg E.* Beskrivande svensk grammatik. 2-a upplagan. Stockholm, 1980.
- Norrbý C., Lundqvist A.* Tendenser i språkbruket // Texter och övningar. C-svenska för gymnasieskolan. Stockholm, 1997. S. 116–118.
- Teleman U.* Guds ord och människans meningar // Språket i bibeln – bibeln i språket / Red. Chr. Åsberg. Skrifter utgivna av Svenska språknämnden 76. Arlöf, 1991. S. 86–105.
- Teleman U., Westman M.* Behöver vi en nationell språkpolitik? // Språkvård. № 2, 1997. S. 5–16.
- Thelander M.* Perspektiv på 110 års nusvenska // Språket i bibeln – bibeln i språket / Red. Chr. Åsberg. Skrifter utgivna av Svenska språknämnden 76, Arlöf, 1991. S. 21–31.
- Thorell O.* Svensk grammatik. Stockholm, 1973.
- Чекалина Е.М.* Система форм и грамматические категории шведского глагола: Докт. дис. М., 1993.
- Чекалина Е.М.* Грамматический статус наклонения в современном шведском языке // Вопросы филологии, методики преподавания иностранных языков и страноведения. Вып. 1. Новгород, 1997. С. 77–95.

J.M. Tjekalina

Vad har hänt och händer i svenska språket?

I slutet av 1800-och början av 1900-talet genomgick svenskan stora förändringar, vilka inledde en ny fas i dess språkhistoria: från och med sekelskiftet började den yngre nysvenska, som hade varit O. von Dalins modersmål, benämnas nusvenska. Artikeln berör de huvudtendenser i 1900-talssvenskans inre uppbyggnad och bruk, som har blivit orsak till en ny epok i språkutvecklingen. De viktigaste förändringarna gäller ordförrådets tillväxt på grund av ett kraftfullt engelskt inlån och en global utjämningsprocess (mellan tal- och skriftspråk, högre och lägre stilarter, fack- och allmänspråk, olika dialekter, enskilda dialekter och riksspråket, talspråket hos olika samhällsgrupper). Närmandet mellan tal- och skriftspråket började i mitten av 1900-talet i och med genomförandet av singulara verbformer vid flertalssubjekt i skrift, men i andra avseenden var språkbruket relativt stabilt fram till början av 1960-talet. Stora omdaningar har skett under tiden mellan 1965 och 1975, och detta decennium utgör en brytpunkt i språkutvecklingen, lika viktig som tiden vid sekelskiftet. Denna epok har blivit en gräns till en ny språkperiod, och framtida språkhistoriker kan komma att känna ett behov av att ge den en särskild beteckning, kanske «modern nysvenska».